

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПРОГРЕССА

А. М. Положенцев

Новоевропейский субъект, сформулировав родовое понятие человечества, взял на себя ответственность защищать его интересы перед природой. Он (субъект) отныне определяет политику человечества в области онтологии в том числе. Это политика экспансии в отношении к бытию и эмансипации по отношению к природе. Орудием освоения бытия субъект выбирает познание в лице науки, а эмансипации от природы – технику. Само же существование в этой новой плоскости субъект определяет как «движение в истории». Анализу причин подобного положения дел и особенностей целей этого нового этоса человечества и посвящена эта статья.

Социальные теории XIX века, в которых создавалась парадигма современной социальной онтологии, рисуют нам человека как существо по своей природе *стадное*. Об этом не только Энгельс с Фрейдом, но и Ницше, Ортега и пр. Феноменология стада сразу нас уводит *вглубь* стада, в его социальную структуру. Там есть воля-к-власти, иерархия, центр, периферия, классы, группы и пр. Однако этология утверждает, что вид *homo sapiens* живет стаяй, а не стадом. И здесь на первый план выступает не глубина, не рефлексивность в себя, а перемещение, номадичность, территория, трансцензус. Кстати, считающийся наиболее древней и распространенной символической системой, ритуал в своей фундаментальной схеме есть *ритуал перехода* (ван Гэннеп). Передвижение есть знаковая система. Жизнь есть путь, и не метафорически, а физиологически, если угодно. Для человека естественно перемещаться. Вся предыстория пронизана этими перемещениями. Сам же человек – знак в этом коде. И сегодня, когда «некуда пойти», когда мир разрезан границами, когда пройдены уже абсолютно все пути и нет ни одного клочка земли, не нанесенного на карту и не принадлежащего какому-нибудь квазисубъекту, это движение ни на минуту не прерывается, и набирают очки

те политические системы, которые берутся управлять этими перемещениями, а не противостоять их иррациональности.

Странным должно казаться как раз не кочевание вида человек, а его оседлость. Когда и зачем мы остановились и стали переселяться в миры *иные*, вот в чем вопрос. А ведь осел человек действительно чудесным образом: почитай, в один момент. Геологи называют весьма точную дату смены двух эпох, перехода от плейстоцена к голоцену: 11700 ± 99 лет (от 2000 года)¹. Можно с удивлением констатировать, что дата эта чуть ли не год в год совпадает с появлением первых городов Леванта. Два с половиной миллиона лет плейстоцена человек и его предки спокойно кочевали, а потом в один миг начали строить города! А из города появляется уже все: бог, религия, власть, государство, история, письмо, закон, философия, наука, капитал, мораль, вертеп...

Мы не претендуем на философскую интерпретацию паранаучных гипотез, мы лишь указываем на странность такого перехода. Человечество переселилось в историю. То есть: а куда именно? «Через пустыню»... «Через кризис»... «В землю обетованную»... «К победе коммунистического»... «В светлое будущее». «К прогрессу и процветанию». Как видим, нам все эти парадигмы различных эпох и народов достаточно понятны. И все они говорят: вперед! Надо двигаться вперед!

Задача познания так же определяется, как движение вперед, которое возможно, собственно, только в том случае, когда этот «перед» не определяем: вперед стало возможным идти только тогда, когда «пойти уже некуда». Мармеладов начинает философствовать, когда весь мир пройден, затыкан границами наук и государств, когда не пускают ни в храм, ни в кабак. Поэтому «вперед» – дело, конечно, неолита, то есть дело государственное (полисное). Философия и религия помогают направить это движение, для политика «вперед» – пустейшая категория, чистое ничто и чистое бытие. Он –

¹ *Wilker M. a.o. Formal definition and dating of the GSSP (Global Stratotype Section and Point) for the base of the Holocene using the Greenland NGRIP ice core, and selected auxiliary records // Journal of Quaternary Science. Vol. 24. Issue 3 (3 Oct 2008). P. 3–17.*

и философ, и пророк на деле, а не на словах. Политик есть метафизический прототип и для художника. Здесь субъект заявляет о своем праве на видение направления, на вождество в миры, которых не видит никто, «кроме него»; он использует экзистенциальную озабоченность оседлых культур движением (их *φύσις*’ом, природой в строгом смысле слова). Брожение заканчивается вместе с началом возгонки. И «большой беспорядок есть начало большого порядка». Вождь говорит: стойте! Так мы далеко не уйдем (а нужно далеко). Дальше поведу вас я! Берите лопаты и городите огород. Этот путь в ином измерении, для него необходимо укрепление. «Зарыться в землю» и значит в его устах: «двигаться дальше, вперед». Заодно готовьтесь к войнам: путь будет кровавым. Земля пригодна лишь для могил.

Осев, человек не перестал двигаться, более того, с этого момента и началось его истинное движение, движение по истории, а не по землям. Но и движение по землям, хотя и затрудненное теперь границами, требующее армий, есть движение вперед, то есть, движение в истории. Каждый шаг – уже пройденный этап, уже история и уже возможность сделать шаг следующий. Потому любое возражение против этого бессмысленного движения рассматривается как торможение. Это «вперед» становится тотальным феноменом бытия, все становится историческим, двигаться отныне можно только всем вместе, включая сам мир. Движением этим озабочены науки и искусстваа, религии и политика. Остановившись, человек нашел, наконец, точку опоры, вокруг которой мир начал разворачиваться, и отсчета, откуда двигаться. В движении вперед неважно куда, важно – откуда; хотя откуда тоже неважно. Меняется модус взгляда, теперь видимы такие эффекты, которых никогда не существовало. Эта остановка, из-за которой стал чувствоваться ветер истории, дала возможность человеку застыть на месте и развернуться лицом к этому ветру. Теперь единственное, что тормозит человека, это только сама история. И если идти, бежать, ехать, лететь ей навстречу, то есть, двигаться против нее, то можно и успеть попасть в нее. Мы перемещаемся, все быстрее и быстрее, не по Земле,

там уже некуда перемещаться, мы приближаем историю, мы движемся внутри самого смысла, внутри целевой причины, навстречу ей. Даже перемещаемся не мы сами, а перемещаются наши сообщения, информация и финансы. В лучшем случае перемещаются наши тела, экзистенции застыли на местах, они движутся не в пространствах, а в сообщениях. Экономика и техника призваны обеспечивать это движение навстречу. История исполнится лишь тогда, когда все сообщения достигнут всех адресатов, правда, тогда придется ждать ответов на все сообщения. Но мгновенных скоростей, чреватых парадоксами теории относительности и информационной энтропией, не существует – потому различие, необходимое для успешного движения вперед, будет воссоздаваться само собой, следует только контролировать само различие (управлять им). Истории теперь нет именно потому, что она никогда не исполнится, и ни одно пророчество не сбудется потому, что опровергает само себя. «Вперед» – значит – к обладанию знаниями о завтрашнем курсе валют, к активной и успешной игре в переоценку ценностей, это значит прочь от нищеты и озабоченности экзистенциальными вопросами, от низких зарплат и бессмысленного труда: каждый знает, в какой «перед» зовет каждый политик. Путешественник давно никуда не идет, напротив, художник, политик, ученый всегда движутся *вперед*, это всегда движение логоса, разворачивание суждения против хода вещей.

В этом странном противодвижении человека по отношению к сущему руководящую роль взяла на себя наука. Точно точка опоры, наконец, была найдена, и мир со скрипом и ревом начал разворачиваться (человек же надел плейер и включил *музыку*, считая рев шумом, который касается кого угодно, только не его). Если метафизика Аристотеля понимала сущее как совокупность относительно равноправных потенциалов, из которых реализовывалась обладавшая большей силой, то теперь, в случае с метафизикой прогресса, только само направление и способно актуализировать потенциалы. Понятно, что направление может придавать ускорение в одном-единственном случае: в случае падения. Однако также понятно

и то, что падение возможно только при наличии центра тяжести. Тогда наука есть не только двигатель этого движения, но и способ не смотреть на стремительно приближающееся дно (поскольку же дно есть бездна, то и смотреть там, собственно, не на что; поэтому из бездны, как из табакерки, выскакивают всевозможные чертики: атомная угроза, всеобщая безнравственность, экологическая катастрофа, прогресс человечества). Это направление изначально имеет вектор, противный естественному ходу. Более того, естественное движение и задает направление науке; она – как флюгер, который смотрит всегда в сторону, противоположную той, откуда дует ветер. Поскольку природа в данном случае представляет собой хаос разнонаправленных сил, то наука вычисляет их общий вектор и располагается у него на пути. Так она проявляет себя как форма хозяйствования, присвоения сущего, то есть вкладывает в него свою волю, понятия не имея о том, как такое возможно. Это новое направление есть теперь единственное легитимное направление движения сущего – *progressus*, который представляется как сознательно (следует ли разъяснять, что *сознательно* в такой метафизике означает *насильно*?) вложенный в вещь рассудок.

Первоначально имевшийся у нас континуум потенциалов сменяется движением «вперед», безотносительным к субъекту движения. У него нет никакой возможности двигаться в какую-либо иную сторону, поскольку никаких иных сторон уже нет. Мир представляет однонаправленный поток сущего, внутри которого нельзя ни свернуть, ни просто остановиться. Метафизически движение науки есть движение против мира в сторону небытия. Правда, будущее всегда туманно, поскольку «перед» человека есть только «задняя» бытия. Однако такое движение человека не есть простая попытка его самоубийства: в этом движении человек разворачивает за собой (точнее, перед собой: он же движется против сущего) и весь мир. Надежность своего движения к небытию человек проверяет экспериментом на всем, что встает у него на пути. Нас не удовлетворит личное уничтожение, но только вместе со всем миром (смерти Бога тоже уже недостаточно). Мир должен быть впереди меня в этой квазиэсхатологии: я емь

тот, кто засвидетельствует смерть всего, наука сможет когда-то сказать: *аз есмь не-сущий*.

Поначалу создается впечатление, что человек отправляет в небытие вещи случайные, стечением обстоятельств ставшие на его пути. Сначала это могут быть ресурсы и соседствующие с ними экосистемы, затем, например, паразиты, далее – генетически, культурно или социально отсталые формы человека, потом – старый мир, затем – знаки (обертка) старого мира, после – моральное старье, а дальше уже что угодно, и когда патология стала заметной, она уже превратилась в норму. Уничтожение может совершаться в любых формах и под любыми лозунгами, особенно удачная форма – забота о спасении чего угодно, например, человека в целом, цивилизации, Родины, но сгодится и снежный барс. Здесь можно было бы говорить о спекуляциях на тему жертвоприношения, в жертву действительно приносится что угодно и весьма охотно, однако есть подозрение, что место жреца занял маньяк. В нем нет ни одного признака безумия, он – сама рациональность и здравый смысл, он зашел в храм, но дух его где-то между скотобойней и библиотекой, он перелистывает священные страницы окровавленными руками и шепчет заклинания на неизвестном языке, он ждет ответа, но... он же в наушниках.

И вот – мир потихоньку стал подаваться. То здесь, то там появлялось ничто. Это было очень странно с точки зрения априорных положений, но как не верить опыту? Метафизика, не решив вопросы умозрительным порядком, перешла на эксперименты, и **все** они оказались удачными. Мысль всегда исходила из очевидности изначального ничто. Во-первых, так было легче работать с бытием, а во-вторых, так полагал и рассудок. А как же иначе мыслить? – задавался риторический вопрос. Ведь *логично* предполагать, что небытие изначально, что все *возникает*, что мир движется из небытия к бытию, и вот, под предлогом творчества, наука стала проводником ничто в бытие (пресловутый «европейский нигилизм»). «Прикладная схоластика» или «экспериментальная метафизика», так можно было бы сформулировать основную идею новой науки. Метод ее прост и понятен: спекулятивная схоластика представляет собою досконально разработанный

негатив, форму, с которой осталось только сделать слепок, то есть поменять местами правое и левое, белое покрыть черным, а черное – белым, решать то, от решения чего схоластика отказывалась, и не решать то, к чему призывала, методы, которыми она работала, объявить ложными и пользоваться теми, которые она объявляла ложными и т. п.

Наука одна обладает правом на знание передела, как, собственно, и всей тотальности экзистенциальных направлений. Политика и экономика, например, претендующие на менеджмент экзистенцией, обязаны постоянно справляться у науки о соответствии своих стремлений с ее видением. Так ей дают поиграться во власть: она сверяет «направление развития» с направлением движения (обращение власти к ней формально и излишне в мире, где существует лишь одно направление). Впрочем, именно так и осуществляется любая власть: персона отождествляется с гипостазированной сущностью и принимает возможность убить Другого (раба или Бога) за реальность собственного бытия (так устроены модели власти Гегеля и Ницше). Власть всегда есть иллюзия власти. Ведь и наука разрешает экономике или политике помнить себя властью. Однако за этой игрой во власть стоит конечная реальность власти только науки, ибо только она может осуществлять связь с самостью трансценденции (низводить огонь с небеси).

Власть – это единственный «урок письма»². Письмо в таком смысле, который затмевает, делает лицемерным любой иной,

² Я имею в виду эпизод из «Печальных тропиков» Леви-Строса, озаглавленный «Урок письма»: «Намбиквара не умеет писать, да и рисовать тоже, разве что какие-то пунктиры и зигзаги на калебах. Тем не менее... я роздал им листы бумаги и карандаши. Сначала они не знали, что с ними делать. Но потом все занялись нанесением на бумагу волнистых или горизонтальных линий. Что же они хотели изобразить? Очевидно, они пытались писать или, точнее, старались использовать карандаш так же, как я. Для большинства попытка на том и закончилась, однако вождь группы пошел дальше. Он, безусловно, понял назначение письма и потребовал у меня блокнот. Теперь он сообщает интересующие меня сведения не устно, а письменно – чертит у себя на бумаге извилистые линии и показывает их мне. Он даже сам себя вводит в некоторое заблуждение этой комедией: каждый раз, когда его рука заканчивает рисовать линию, он

есть форма и орудие власти. Этот пример Леви-Строса как примитивен, так и изначален. Слухи о том, что эта новая форма памяти сделает людей счастливыми и памятьливыми, развенчивает царь в платоновском «Федре». Следует заметить и запомнить, что царь, хотя и критикует этот дар бога, все же оставляет его в пользовании у человечества. Письмо имеет одно важное свойство: оно делает человека слабым; а именно такие для власти и нужны. (Здесь приведем одно принципиальное замечание в сторону Ницше: власть никогда не есть «естественная» власть сильного над слабым: слабым человека сперва должна (обязана) сделать власть: воля-к-власти есть вместе с тем и воля-к-слабости, и это очевидность. К власти стремится и власть получает всегда и только слабый.) Царь предпочитает терпеть насмешки над своей безграмотностью, но зато он крепко держит власть. Уметь читать должны подчиненные, а не царь. Дионисий или Калигула подвешивают свои законы в неудобных для чтения местах, но чернь всегда грамотна, она все стремится прочесть, она норовит прочесть даже то, чего власть не писала (наша интеллигенция хвалилась в восьмидесятых: «Зато мы отлично умеем читать между строк!»). И наиболее уязвимы и недолговечны те режимы, которые отводят большую роль идеологии, чтению, интеллигенции, которые и впрямь полагают, что написанное слово нечто значит, что недостаточно имитировать письмо, что недостаточно *почитать*, что нужно еще и читать! Они гибнут под лавиной информации, которую уже нельзя контролировать. Так она становится шумом. По сути, контроль и есть информация,

озабоченно изучает ее, будто надеясь понять ее значение...он делает вид, что его тарабарщина имеет смысл, а я – что разбираю ее...

Далее последовало вот что. Собрав всех своих людей, он вытащил из одной корзины покрытую извилистыми линиями бумагу и сделал вид, что читает. С нарочитым колебанием он искал в ней список предметов, которые я должен дать в обмен на предложенные подарки: такому-то за лук и стрелы – большой нож, другому – бисер для бус... Эта комедия продолжалась в течение двух часов. На что он надеялся? Может быть, обмануть самого себя? Нет, скорее изумить своих товарищей, убедить их в том, что товары отобраны при его посредстве, что он добился союза с белым и что ему открыты его тайны».

а бесконечный поток неподконтрольной информации порождает лишь энтропию, и ее-то уж точно не нужно бояться! Достаточно утилизировать вовремя. Здесь сгодятся и горящие библиотеки. Что было бы с советской империей, продолжай она запрещать ксероксы, факсы, персональные компьютеры, наивно полагая, что они плодят бесконечную антисоветчину, провоцируя падение не столько империи, сколько нравов? «Скоро конец света, – говорится в папирусе Присса, написанном 4000 лет *назад*, – нравы падают, каждый хочет написать книгу...» И вот, одновременно с выходом в свет миллионных тиражей бульварной прессы, дважды горит библиотека Академии наук. Пусть читают что угодно, если будет нечего читать, мы сожжем все книги и сами напишем новые (и кто из наших давних и недавних правителей не написал пары книжек?!)

И вот, отныне мы имеем дело лишь с одним направлением бытия, и это направление – в трансцендентное. Так метафизика науки постулирует монадичность сознания: пойти уже некуда, да и некому (монада есть никто: субъект, определенный как «что»). Земля поделена на государства, люди привязаны к паспортам как к галерам. Правители озабочены последним, глобальным переселением народов. Чистый символ «вперед» политики, науки и экономики выражен зигзагообразным движением биржевого индекса прямо в небо. История с момента ее появления есть путь в трансценденцию. Или в ничто. И ничто не способно помочь на этом пути более, чем сакрализация науки как способа производства идеальных сущностей³. Уточним еще раз: наука (а современное государство играет при ней роль полицейского) занимается не изучением *этого* мира, а хозяйским освоением *того света*; наука, если так будет понятнее, есть политика и экономика человека в трансцендентной сфере.

Исследование трансцендентных сфер есть особенность монадической субъективности, занятой поисками самой себя. Философски этот поиск будет выражен в экзистенциалистской

³ Вспомним, что Конт, разрабатывая политику науки, пророчил ей освобождающееся место католической церкви, не справившейся с взятой на себя задачей господства над обоими мирами.

неопределимости его, в его беспочвенности, заброшенности, в беспредметной озабоченности, в попытке определить эту беспредметность через категорию высокого, через смысл бытия и пр. Позже он найдет свое воплощение и в буржуазной экзистенции, полагающей, что здесь, в этом поиске себя она стоит лицом к лицу с бытием. Поиск себя будет расцениваться как высшее устремление личности, реализующееся в метафизических сферах. Но прежде это искание проходило в эмпирии. Путь на небо может быть пройден только вот этими бранными ногами, а не голой мыслью. Земной рай, конечно, это – Америка, и Колумб ищет не торговый путь в Индию (как это понятно нашей эпохе!), а именно земной рай, чистилище, местоположение которого подробно описывала средневековая наука⁴ (достаточно вспомнить Данте), но есть еще и Царство Небесное, и есть затаенная месть Творцу, изгнавшему человека из него. Наука призывает осваивать сферы ноуменальные и трансцендентные, а не только различные регионы

⁴ «Я убежден, что эта земля, которую ныне повелели открыть Ваши Высочества, — величайших размеров и что на юге имеется еще много иных земель, о которых нет никаких сведений. Я не считаю, что земной рай имеет форму отвесной горы, как это многими описывается; я думаю, что он лежит на вершине, в той части земли, которая имеет вид выступа, подобного выпуклости у черенка груши; и, направляясь туда, уже издали начинаешь постепенное восхождение на эту вершину. Я полагаю, что никто не может достичь этой вершины, а оттуда, вероятно, исходят воды, которые, следуя издали, текут в места, где я нахожусь, и образуют это озеро. Это весьма важные признаки земного рая, ибо такое местоположение соответствует взглядам святых и мудрых богословов, а тому есть весьма убедительные приметы: ведь мне еще никогда не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы такие огромные потоки пресной воды находились в соленой воде и текли вместе с ней. Равно и мягчайший климат подкрепляет мои соображения. Если же не из рая вытекает эта пресная вода, то это представляется мне еще большим чудом, ибо я не думаю, чтобы на земле знали о существовании такой большой и глубокой реки». *Колумб Х.* Письмо Католическим королям Изабелле и Фердинанду о результатах третьего путешествия // Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М., 1961. С. 74–75.

сущего. Если свои религиозные мотивы наука научилась скрывать за экзотерической прагматикой, то фундаментальная онтологическая цель, кажется, является тайной *eo ipso*. Дело не может ограничиваться заботой о проникновении в тайны божественные или природные. Для такого опыта нужен еще и подходящий инструмент: сам *sub-jectum*. Только он не может быть обретен до того, как будут открыты (найжены и подчинены) соответствующие сферы сущего. По-настоящему монадическая субъективность есть только *pro-ject um*, она растворена в подлежащем, тождественна предмету вождения, теме (*subject*). Но, похоже, то, что человек «попал» в субъекта, было его самой страшной методологической ошибкой. Он просто его нашел, открыл, как Колумб Америку вместо рая. Или так: просыпаясь из одного кошмара в другой, мы попали в тот, из которого уже не можем проснуться.